

Книги Андрея Белянина,
вышедшие в
«Издательстве АЛЬФА-КНИГА»

Трилогия

«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«СВИРЕПЫЙ ЛАНДГРАФ»
«ВЕК СВЯТОГО СКИМИНОКА»

Диалогия

«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«СЕСТРЁНКА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ»

«ДЖЕК СУМАСШЕДШИЙ КОРОЛЬ»
«РЫЖИЙ И ПОЛОСАТЫЙ»
«РЫЖИЙ РЫЦАРЬ»
«ВКУС ВАМПИРА»
«ОХОТА НА ГУСАРА»
«КАЗАК В РАЮ»
«ААРГХ»
«КАЗАК В АДУ»
«ААРГХ В ЭЛЬФЯТНИКЕ»
«ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»
«ААРГХ НА ТРОНЕ»
«КОЛДУН НА ЗАВТРАК»
«ДЕМОН ПО ВЫЗОВУ»

С Христо Поштаковым (перевод и редакция)
«МЕЧ, МАГИЯ И ЧЕЛЮСТИ»
«ГАСИ АМЕРИКУ!»

С Карен Махони (перевод и редакция)
«ТЕНЬ КОТА-ВАМПИРА»

Сериал

«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ»
«ОТСТРЕЛ НЕВЕСТ»
«ДЕЛО ТРЕЗВЫХ СКОМОРОХОВ»
«ОПЕРГРУППА В ДЕРЕВНЕ»
«ЖЕНИТЬСЯ И ОБЕЗВРЕДИТЬ»

Цикл

«БАГДАДСКИЙ ВОР»
«БАГДАДСКИЙ ВОР»
«ПОСРАМИТЕЛЬ ШАЙТАНА»
«ВЕРНИТЕ ВОРА!»

«ПАСТУХ МЕДВЕДЕЙ»

Стихи

«ЛАНА»

В соавторстве с Галиной Черной
«ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБОРОТЕНЬ»
«КАНИКУЛЫ ОБОРОТНЕЙ»
«ХРОНИКИ ОБОРОТНЕЙ»
«ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБОРОТНЕЙ»
«ИСТОРИИ ОБОРОТНЕЙ»
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОБОРОТНЕЙ»
«ЛАЙНЕР ВАМПИРОВ»

С Пламеном Митревым (перевод и редакция)
«ВЕСЛОМ ПО ФЬОРДУ!»

Андрей Белянин и его друзья

«КАЗАЧЬИ СКАЗКИ»
«ДНЕВНИК КОТА С ЛИМОНАДНЫМ ИМЕНЕМ»
«ЧЕГО ХОТЯТ ДЕМОНЫ»
«АНГЕЛ БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ»
«НЕ НАДО, АЗРИЭЛЛА!»

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

ПОСРАМИТЕЛЬ ШАЙТАНА

РОМАН

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Серия основана в 1992 году
Выпуск 417

Художник
И. Воронин

Белянин А. О.
Б43 Посрамитель шайтана: Фантастический роман /Послесл. И. Черного.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 342 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1067-5

Интересно, а что делает рослый москвич, бывший помощник прокурора, не хило оторвавшийся в своё время в благословенном Багдаде, когда встречает на ночной улице узкоглазого джинна с ящиком пива подмышкой?! Разумеется, радуется, кричит: «Здравствуй, Бабудай-Ага!» и всё такое... Но уж конечно не ждёт, что тот прямолинейно заявит: «Очень скучно без тебя на Востоке, Лёва-джан!»... А ведь именно так всё и произошло...

И вновь ярко-синее небо пустыни распахнуло свой купол над бесшабашной головой Льва Оболенского! И вот уже притворно разводит руками хитроумный «визирь» Насреддин, а в султанском стойле нетерпеливо пристукивает копытцами отчаянный ослик Рабинович. Где-то далеко звенят клинки городской стражи, и нежный взгляд луноликой Джамили, вдовы вампиров, снова полон любви и веры. Караванчики и дервиши, горожане и дехкане, торговцы и ремесленники шёпотом пересказывают друг другу волшебные легенды о неуловимом Багдадском воре, хохоча как сумасшедшие.

И опять нет ни покоя, ни сна всем властителям и тиранам, ибо в городе появился голубоглазый удалец из заснеженной России, да обгрызёт шайтан ему все ногти на ногах! Хотя на самом деле именно шайтану-то и достаётся больше всех...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Белянин А. О., 2006
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2006
ISBN 978-5-9922-1067-5

«Бисмиллях ир-рахман ир-рахим!»

Склонимся с молитвой к престолу Всевышнего и с молитвы же начнём наше повествование. Воистину велик Аллах на небесах, чудны его деяния, велики помыслы и безмерна благодать, изливаемая миру!

Ибо в неизмеримой доброте своей и заботе о праведных душах изгнал он из славного города Багдада бесчестного и непочтительного Ходжу Насреддина, по прозвищу «возмутитель спокойствия», да поглотит шайтан его своим нечистым чревом...

Да не ступит нога наглеца и пройдохи ни на один порог честного мусульманина ни в Бахре, ни в Самарканде, ни в Стамбуле, ни в Коканде, ни в Хорезме, ни в Бухаре...

Ужасны его прегрешения, бездонна пропасть порока, и велика награда за голову бесчинного отступника!

Но первый, кто нашёл этого сына греха, был молодой человек с кожей белой, как снега далёкого Мин-Архара, и глазами голубыми, как купола минаретов Хивы, а имя его звучало, подобно грому барабанов славного Бишкека,— Лев Оболенский!

А о чём, собственно, речь? — спросите вы. Речь о продолжении... Нет, то, что сейчас вы держите в руках продолжение популярного романа о Багдадском воре, было ясно ещё при беглом взгляде на обложку. Дело не в этом. Повторяю, суть в продолжении... Неужели вы не чувствуете затаённую магию самого этого слова — продолжение...

Нечто, что ранее было таким близким и родным и что, казалось, в какой-то момент ушло безвозвратно и не в твоей воле было даже окликнуть его, вдруг... неожиданно... само... обернулось, блеснув белозубой улыбкой... Продолжение! И те же слова, и тот же слог, и загар, и лукавые морщинки у глаз, и неуловимо-томный, пьяняще-дразнящий аромат сказочного Востока... Продолжение! Почти забытый перезвон ножных браслетов, и дикая мелодия бубна, и красная хна на твоих пальцах, и обволакивающий поцелуй жарких девичьих губ! Продолжение...

Но главное, что на этот раз я сам (представляете, сам!) был всему свидетелем. А ведь как буднично всё начиналось — рядовая командировка москвича в Астрахань, по служебным делам. Ни знамений, ни предсказаний, ни даже тоненького голоска интуитивного предчувствия, мой друг Оболенский просто зашёл ко мне в гости...

— Андрюха, сколько лет, сколько зим!

— Весною виделись, Лев,— сдержанно выдохнул я: наши дружеские объятия всегда напоминают встречу медведя и дрессировщика. В смысле вопроса, кто кого помял, никогда не возникает, он крупнее...

— Слушай, старик, у вас тут классный город,— шумно продолжал Оболенский, пока я накрывал на стол.— Сейчас иду к тебе с остановки, навстречу та-ка-я-а девушка-а-а... Мордашка, фигурка, походка, и... на ней же одежды практически никакой!

— Лето,— пожал я плечами.— На улице почти плюс сорок, чего ты хочешь?

— Нет, но на ней... это... даже белья... практически нет?!

— Стринги, скорее всего, есть,— подумав, успокоил я.— А насчёт бюстгальтера ты прав, этого нет. Кто их в Астрахани летом носит — грудь вскипит...

— У меня тоже всё вскипело,— покаянно кивнул он.— Самому неудобно, в следующий раз я к вам лучше с женой приеду...

— Коран гласит: если мужчина, увидев красивую женщину, испытал вожделение, то он обязан рысью лететь домой, дабы удовлетворить огонь страсти с законной супругой! Посрамив тем самым шайтана и доставив радость Аллаху...

— Аллах велик,— не стал спорить православный потомок князей Оболенских.

Разговор плавно переместился в сторону ирано-персидской поэзии и псевдоэтического спора на тему: имел ли я право в прошлом романе приписать собственное стихотворение бессмертному Омару Хайяму? Которое, кстати, ой как мало кто опознал...

Посидели очень душевно, он ушёл от меня уже ближе к полуночи, благо темнело поздно. На предложение переночевать отказался категорически. Во-первых, у него оплаченный «люкс» в гостинице «Лотос», а во-вторых, он страшно любит гулять по

ночным провинциальным городкам, наслаждаясь звёздами, свежим воздухом и романтическими воспоминаниями. А потом, такси у нас по московским меркам просто баснословно дёшево, и если ему наскучит бродить... Короче, он обещал позвонить наутро.

В обед я звонил ему сам. Лёвин мобильник находился «вне зоны действия сети». В гостинице тоже сказали, что гражданин Оболенский в своём номере не ночевал. Как понимаете, к вечеру я уже был малость на нервах — Лёва пропал...

Ещё через какой-то период метаний и сомнений я втихую попросил совета у своих друзей из милиции. Разумеется, они дружно посоветовали мне не пороть горячку и с вполне понятной долей раздражения (ещё бы, после звонка в час ночи!) подробно рассказали, где и как можно культурно «зависнуть» в нашем благословенном городке так, чтобы отдохнуть душой и телом от московской суеты...

На мои протесты об имеющем место «высоко-нравственном моральном облике» моего друга они тихо матерились сквозь зубы, ещё раз поясняя, что у командированных летом, без жены, целомудрие атрофируется первым... Однако если уж завтра этот «царь зверей» не объявится, то... звони, поищем по нашим каналам!

Я медленно опустил трубку, с ужасом представляя поиск Льва по четырём речным каналам, проходящим сквозь город. Потом чуточку успокоился, логично предположив, что милиция имела в виду несколько иное... Спал плохо. Но то, что меня ждало утром, было ещё хуже — позвонила Маше-

нька, жена Оболенского. Видите ли, сотовый Лёвушки не отвечает, а ей без родного голоса уже немножко скучно...

— Всё просто замечательно! — надрываясь, врал я. — Ты же знаешь, в нашей глухомани Московская сотовая практически не берёт. А ведь я говорил Льву, переходи на Билайн! Что? А, где он сейчас?! Знаешь... на пляже! Да, вот только ушёл, буквально с полчаса назад... Нет, не переживай, разумеется, я за ним присматриваю. Он у тебя кремень-мужчина, вот вчера, помнится, встретили мы с ним симпатичную такую астраханку, практически без ничего, и... Нет! Нет! Нет, приезжать не надо! Я ж и говорю, это меня она чем-то там заинтересовала, а Лев прошёл мимо, даже не взглянув! Ну а то... честное слово! Скажу... непременно, всё ему скажу... Что-то ещё передать? Поцелуй... а он правильно поймёт?!

Повесив трубку, я добрых десять минут тупо рассматривал в зеркале красную физиономию прожжённого лжеца. Зрелище настроения не прибавляло...

А тут ещё раздался стук в дверь. Я поплёлся в прихожую, посмотрел в глазок и понял, что открывать не надо — на площадке, у лифта, стоял здоровенный загорелый бомж в рваном халате, грязной чалме и остроносых тапках на босу ногу. Сейчас их у нас много побирается, то ли узбекские цыгане, то ли казахские турки, то ли... Стук повторился, уверенно и настойчиво.

— Меня нет дома! — как можно суровее рявкнул я.

— Открывай, витиеватый шайтан тебе сзади в джинсы! — царственно раздалось из-за двери. — Андрияха, не томи, Аллах не простит, и я обижусь!

Когда мой друг Лев Оболенский ввалился в квартиру, я не знал, с чем к нему броситься — с объятиями или кулаками?

— Без комментариев. Все вопросы после ванной. На мне уже блохи со вшами в чехарду играют, хочешь, поделюсь? Тогда пусти совершить омовение...

— Стиральная машина ждёт-с, залезай,— гостеприимно предложил я.

Полчаса спустя чисто вымытый, побритый, исхудавший, но довольный Лев в моём махровом халате, трещащем у него на плечах, вышел из ванной комнаты. Первое, что он сделал,— это попросил меня сию же минуту взять ручку и тетрадь. Можно подумать, я и сам не догадался бы...

— Записывай, быстро, пока помню,— сел на кухонный табурет, встал, заглянул в холодильник, вытащил початую бутылку аргентинского «Tosso», снова сел и продолжил: — Непроверенный хадис! В смысле откровение от Аллаха, но ещё не утверждённое ни одним учёным суфием. Звучит так: «И не фиг шляться ночью по незнакомому городу, когда шайтан, не дремлющий даже днём, с заходом солнца вообще бодрствует напропалую!» Успел? Тогда давай пиалы и штопор.

— Пиал в доме нет, обойдётся хрустальными фужерами.

— Пиал нет, кумганов нет, хорезмских ковров нет, кокандских блюд для самаркандского плова

тоже небось нет?! Андрей, ты же великий, блин, писатель, а живёшь, как... — Оболенский перехватил мой взгляд на казачью шашку в углу и, вздохнув, закончил: — Ладно, согласен на остатки оливье и холодный борщ в кастрюльке. Твой обед — мой рассказ, идёт?

— Уговорил.— Я выставил на стол два фужера, Лев церемонно наполнил их рубиновым вином.

— За то, чтобы впредь ни к кому из нас, нигде никогда не подходил пьяный джинн с нетрезвым предложением: «Пойдём, дорогой, без тебя в Багдаде такая скука...»

Я едва не поперхнулся! Багдад?! Это что же, выходит, он снова был на...

— Нет,— спокойно ответил мой друг.— Если честно, то сначала это был Коканд. Что я пережил, мама родная... И всё из-за этого Ходжи Насреддина, карданный вал ему в заднюю дверцу! А ведь я уже практически стал честным человеком...

ГЛАВА 1

По возвращении всегда скапливается столько дел — обнять сына, погладить собаку, пожурить жену, пострелять её гостей... Ничего не перепутать!

Одиссей с Итаки

Получалось, что лично он, Лев Оболенский, ничего предосудительного не совершал. В ту памятную ночь он ушёл от меня спокойный и счастли-

вый, действительно намереваясь совершить размеренный подлунный променад и не более...

Летние звёзды в Астрахани висят низко и кажутся тонко выкованными, скорее из белого золота, чем из северного серебра. Они столь чисты, что подобны хрустали — приглядевшись, можно через одну большую разглядеть тысячу маленьких. Их блистающая россыпь на Млечном Пути не ощущается острой, она лишь щекочет босые пятки ангелов...

Мой друг так увлёкся, что почти не смотрел себе под ноги, а в результате за каким-то поворотом грудью врезался в группу нетрезвых азиатов. Это были обычные узбекские разнорабочие, гастроллирующие без документов почти на всех строительных площадках нашей великой страны. Работают за копейки, стараются, как могут, по-русски говорят из рук вон плохо, да и пьяными бывают крайне редко. Но в этот раз были...

— Ай, шайтан! — злобно ощерились двое самых пострадавших, вылезая из придорожных кустов. Трое удержались на ногах...

— Уф, мужики, — добродушно пожал плечами Лев. — Ну, призадумался, виноват, с кем не бывает...

— Зыдес людъи ходят, э?! Карим, съкажи... Иде Карим?!

— Вай дод... — вместе со всеми выдохнул наш герой, когда понял, что шестой узбек от столкновения с ним рухнул в неплотно прикрытый канализационный люк. Он даже первым полез его вытаскивать и, помнится, был жутко поражён, что у

извлечённого (но дурно пахнущего) бедолаги оказалось безумно знакомое лицо...

— Бабудай-Ага?!

— Ага, конечно! — в тон откликнулся мокрый гастарбайтер, ни капли не коверкая русский язык. — Слушай, ну нигде от тебя покою нет, раз собрались по-человечески выпить с друзьями и... нате вам — поборник нравственных устоев припёрся! А ведь за тобой ещё с прошлого раза ящик пива числится...

— Бабудай-Ага! — не веря своим глазам, возопил Оболенский, едва ли не бросаясь азиату на шею. — Какими судьбами, старина? А как там дедушка Хайям, а Ходжа, а Рабинович, а все наши?! Да я тебе не один ящик поставлю, только расскажи...

— Вах,— отмахнулся тот, кого другие называли Каримом, и тоже дружески приобнял Льва. — Что зря рассказывать буду, от слов больше ветра, чем дел... Сам иди посмотри. А то очень скучно без тебя в Коканде... и в Бухаре, и в Хорезме... без тебя, Лёва-джан, такая скука! Пойдём, дорогой...

Вот тогда потомок древнего дворянского рода, бывший зампрокурора, отец семейства, верный муж и законопослушный российский гражданин впервые испытал удар звезды в лоб! Или по лбу, но это скорее скользящее попадание, а ему досталось именно в лоб! Он хлопнулся навзничь, гулко ударившись затылком и лишь на секунду зажмурив глаза от невыносимой боли. Лев открыл их спустя вечность от бьющего в лицо восточного солнца!..

Далее был крик... Приводить его в полной звуковой гамме нет смысла, достаточно того, что раз-

морённый полуденной жарой Коканд вздрогнул. Под перепуганным стражником встала на дыбы гнедая лошадь, какая-то женщина в чадре уронила кувшин с головы, уличные мальчишки испуганно прыснули по подворотням, и даже мулла из ближайшей мечети точно запомнил час, когда он услышал «крик шайтана, на чей хвост наехало колесо колесницы святого Хызра», ибо человек так орать не может...

Оболенский сел и протёр глаза. Он находился в самом центре небольшой утрамбованной площади, судя по всему, гончарного квартала незнакомого восточного города. Неподаляку высилась украшенная резным кирпичом мечеть. По площади сновал народ. Люди, на мгновение сражённые Лёвиным криком, вновь возвращались к своим делам. Хотя два наиболее любопытных бедняка всё же подошли поближе:

— Да защитит тебя Аллах, почтеннейший чужеземец. Не ты ли издал этот ужасающий рёв, подобный рёву бесчестного иблиса, оплёванного верблюдом праведного мусульманина?

— Айм нот дую спик узбекстэн... — привычно начал наш герой, но вовремя опомнился.— Хотя нет... какого фига! Я прекрасно говорю по-узбекски, мать вашу!

— Видно, ты великий мудрец, о чужеземец, знающий разные языки и почитающий наших мам.— Оболенскому услужливо помогли подняться.— Скажи, зачем ты сидел на земле? Зачем так кричал? У тебя большое горе, кто-то умер?

— Я сам... в фигуральном смысле,— поправил Лев, видя, как вытянулись лица заботливых горожан.— Просто этот зараза джинн (чтоб ему сдохнуть без опохмелки!) забрал меня из моего мира и перенёс в ваш. А кто его просил, спрашивается?! Это в прошлый раз я был головой об асфальт с налёту ушибленный, сразу кома, лазарет, пробирки-капельницы-клизмы... Но сейчас-то я всё помню!

— Ты... долго стоял на солнце с непокрытой головой? — после секундного замешательства угадал один.

— Да нет же!

— Вай, он сказал «да» или «нет»? — удивился второй. К их экспрессивному разговору начали прислушиваться, любопытный народ, отложив повседневные дела, спешил посмотреть на чудно одетого чужестранца, говорящего странные вещи.

— Я имел в виду, что уже был здесь! Ну, на Востоке... В частности, в Багдаде. А это вроде другой городишко?

— Это благословенный Коканд, город ковров и пряностей!

— Н-да, название подходящее и запашок чувствуется, только не уверяйте меня, что корица пахнет сероводородом... Так вот, меня в Багдад дедушка заташил с помощью джинна. Он вообще любитель залить за воротник пиалку-другую кой-чего покрепче простокваши... Дед в смысле! Да, и звали его... звали его... Аллах Акбар! Нет, Хвала Хайям... нет, вот ведь вертится на языке... рак, краб, лобстер... Лобстер Хайям! Опять не то, но вроде...

— Хайям Омар? — тихо предположил кто-то.

— Точно! — восторженно взревел Оболенский.— Хайям Омар — это мой якобы дедушка! Тот самый, который написал:

Нежным женским лицом и зелёной травой
Буду я наслаждаться, покуда живой!
Пил вино, пью вино и, наверное, буду
Пить вино до минуты моей роковой!

— Вай дод, он читает такие вещи вслух,— испуганно начал озираться народ.— Воистину, кто бы посмел, кроме сумасшедшего...

— И ещё там был такой Ходжа Насреддин, домулло называется, так с ним мы вообще корифаны не разлей кумыс... А чего это все разом припухли?

Он не сразу обратил внимание, как быстро вокруг его величественной особы образовалось пустое пространство. Из-за спин простого люда показались длинные копыя стражи; раздвигая толпу грудью коня, вперёд выдвинулся крючконосый всадник в богатой одежде...

— Кто произнёс имя проклятого Аллахом и всеми честными мусульманами возмутителя спокойствия, безбожника и проходимца Ходжи Насреддина, да иссохнут его внутренности, подобно листьям бесплодного карагача в засушливую пору?!

— Это вы про Ходжулю, что ль? — окончательно затягивая петлю на своей же шее, уточнил Лев.— Ну, не такой уж он и гад, больше прикидывается...

Шестеро стражников с суровыми лицами в мгновение ока взяли незадачливого россиянина в ко-

лицо. Несколько секунд, прикрыв глаза от жгучего стыда, Оболенский искренне поражался глубине собственной глупости. Таким беспросветным идиотом он не ощущал себя ещё никогда... После чего, низко опустив кудрявую голову, бывшая гроза Багдада позволил с почётом сопроводить себя в сторону возвышающейся над низкими домишками голубой громады султанского дворца. То есть день не задался с самого начала...

Крючконосый всадник оказался главой кокандских стражников и носил звучное имя Аслан-бей. От достойного господина Шехмета, главы багдадской стражи, он отличался разве что более мелким ростом и нравом ярого служаки. И происходил из богатой семьи, впитав вкус к использованию плети уже с младенчества, так что печать порока давно отложила след на его холёном лице...

Сам Коканд превосходил Багдад не столько размерами, сколько степенью куда большей угнетённости местных жителей. Если Селим ибн Гарун аль-Рашид, да сохранит Аллах память о нём для благодарных потомков, карал сурово только за воровство, султан Коканда был столь же суров во всём! Уже на подходе к его дворцу побледневшему Оболенскому продемонстрировали врытые в землю колья — на них по субботам сажали ослушников. А у самых ворот, в пыли, сидели на корточках скованные железом люди — они ждали «скорого и праведного суда»...

Лев не был связан, но прекрасно понимал, что в одиночку он не управится с шестью опытными стражниками, а при первой же попытке прыгнуть в проулочек и сбежать уверенно получит длинную стрелу в спину. Но самое худшее — это то, что у него неожиданно жутко зачесались пальцы! Причём не от страха и не просто так, он слишком хорошо помнил это покалывающее ощущение — надо срочно что-нибудь украсть! Хотя что-нибудь... Но рядом была только стража, хотя... почему бы и нет?

ГЛАВА 2

В наше время никому нельзя верить. Особенно всяким писателям...

Барон Мюнхаузен

Когда я записывал всё это, у меня не было ни малейшего сомнения в искренности Льва. Не то чтобы его кристальная честность давно и повсеместно вошла в поговорку, но, с другой стороны, он никогда и не врал без причины. А, уж согласитесь, нормальному мужчине, даже с самым средним уровнем фантазии, всегда есть что придумать в своё оправдание за недолгое отсутствие неизвестно где... Тем паче врать о Востоке!

Да будь в его рассказах хоть один-разъединственный ляп — меня и Оболенского давным-давно заслуженно посрамили бы суровые и неподкупные критики. Поэтому я не перебивал его, не лез с глупыми комментариями, а лишь иногда изредка

задавал уточняющие вопросы типа: «А ты сам-то в это веришь?!» Пару раз Лев даже обижался, цветисто посылая меня в самое тёмное место у шайтана под хвостом...

Султан благословенного города Коканда носил достославное имя Муслим аль-Люли Сулейман ибн Доде! По крайней мере, один большущий плюс у него в его системе законоисполнения был: задержанного Оболенского не стали томить в тюрьме, засовывая в вонючую яму-зиндан, а сразу же, без малейших проволочек, направили пред сияющие очи правоверного защитника и властителя всех законопослушных мусульман. То есть нашего российского гражданина приняли к судопроизводству без проволочек. В иной ситуации Лев как бывший юрист, несомненно, оценил бы это, но не сейчас...

А сейчас его втокнули в небольшой, но очень изысканный сад под открытым небом, с павлинами, пальмами и традиционным мраморным фонтанчиком прямо посреди дворцового комплекса. Навстречу страже вышел суетливый мужчина в дорогом халате и островерхой чалме, явно советник или какой-нибудь зам. Он о чём-то быстро переговорил с Аслан-беем, внимательно посмотрел на Оболенского, неодобрительно поцокал языком и ушёл.

— Припекает... — ни к кому особенно не обращаясь, буркнул наш герой.

— Ты можешь сесть, нечестивый пёс,— мило стиво кивнул глава городских стражников.— Султан скоро выйдет, и если ты не тот, за кого себя выдаёшь, сегодня же вечером тебе придётся молить

о смерти шестерых палачей, заживо сдирающих с тебя кожу!

— За что?! Я мирный турист, ничего не делал, никого не трогал, я требую российского консула, и у меня в паспорте штамп дипломатической неприкосновенности!

— Ты лжёшь, как дышишь.— Так презрительно и верно Льва не ставили на место ещё никогда. На мгновение кровь бросилась ему в лицо, он воспылал мезтью и жутко пожалел, что в тот памятный вечер вышел на улицу без пулемёта. Танк тоже мог бы пригодиться, или крейсер, или...

— Если бы не планы нашего пресветлого султана, да продлит Аллах годы его правления вечно, ты бы уже издыхал на площади, извиваясь на деревянном колу, пронзившем твою смрадную задницу!

— Вай мэ, ей ни за что не сравниться смрадом с твоим дыханием, почтенный Аслан-бей,— вежливо ответил кто-то, прежде чем горячий русский дворянин успел сам постоять за свою попорченную честь. В смысле встать-то он встал и даже протянул руку к маленькому дастархану, явно намереваясь использовать резной столик не по прямому назначению, но стража не дремала. Миг — и три оперённые стрелы с чёрными, как клювы ворон, наконечниками уставились ему в лицо... Именно в этот роковой момент меж ним и стражей спокойно встал невысокий, но очень толстый человек.

— Господин новый визирь,— скрипнул зубом Аслан-бей.

— Господин главный визирь,— мягко поправил его толстяк.— Если наш великий султан, да избавят его небеса от перхоти в бороде, соблаговолил дать мне, ничтожнейшему, столь высокую должность, то уж наверняка он сделал это от своего ба-альшого ума! Или у кого-то есть тень сомнений в божественном разуме нашего правителя?!

— Аллах да покарает этого нечестивца.— Поклонившийся глава стражи сдал позицию.

Удовлетворённо кивнув, главный визирь соизволил наконец повернуться и к Оболенскому. Цепкие узкие глазки глянули в его сторону всего один раз. Толстяк поправил пышно завитую колечками бороду и безапелляционно заявил:

— Лицо этого негодяя отмечено печатью порока, он, конечно, пройдоха и лжец, но вряд ли тот самый человек, о поимке которого вы, о поспешливый, оповестили весь Коканд...

— Он сам признался!..

— Вай мэ, кто не знает, как легко наша доблестная стража пишет самые искренние признания кизиловыми палками на пятках несдержанных в речи мусульман...

Аслан-бей пошёл пятнами, казалось, ещё мгновение, и он бросится на главного визиря с кулаками, тем паче что пузан явно на это нарывался... Однако, вопреки чаяниям, глава блюстителей правопорядка неожиданно бросился к нашему бедолаге, схватил его за воротник и отвесил две хлёсткие пощёчины:

— А ну, говори, сын шакала, говори своё имя! Главный визирь хочет сам, своими ушами услышать, как тебя называли в Багдаде... Святой Хызр?

Алишер Навои?! Или, может быть, сам великий Ибн Сина?! Скажи нам своё истинное имя, имя, имя!!!

Толстяк беспомощно прикрыл глаза, словно бы «умывая руки», хотя откуда он-то мог знать, что сейчас произойдёт... А произошло следующее: могучая лапа Льва поймала холёную ладонь господина Аслан-бея на третьем взмахе, сжав её так, что раздался хруст костей! После чего, перехватив второй рукой пояс онемевшего от ужаса кокандца, он нежно поднял его над головой и, не целясь, запустил в стражников с луками. Четверо человек дружно рухнули в фонтан! И только после этого неожиданно тихо, внятно, чётко выделяя каждое слово, он ответил:

— Меня зовут Лев Оболенский...

За его спиной раздались одобрительные аплодисменты.

— Воистину этот человек храбр, силён и глуп, но пусть воины не опускают луки... — капризным, даже чуточку женским голоском объявил великий султан Коканда, выступая на сцену.

Главный визирь изобразил самый низкий поклон, бултыхающиеся в фонтане стражники тоже попытались принять соответствующие этикету позы, но у них это вышло смешнее... Сам же Лев, опустив глаза, с удивлением уставился на низкорослого худющего коротышку с отвисшим пузцом и тоненькими ногами. Плюс к вышеперечисленным достоинствам Муслим аль-Люли Сулейман ибн Доде обладал неровной кустистой бородёнкой, красным прыщавым носом и замашками

изощрённого садиста. Однако мозги он, видимо, имел хоть какие-то...

— Мой главный визирь, Хасан аль-Хабиб ибн Бибип, и мой бесстрашный Аслан-бей, мы застали вас обоих в момент спора об этом ничтожном чужестранце. Да, его внешность подходит под описание великого Багдадского вора, доставленное нашими соглядатаями. К тому же он сам откликается на это шайтаноподобное имя... Всем ли известно, как в нашем благословенном Коканде карают воров, лжецов и ослушников? Итак, скажи нам, о сын греха, ты ли тот самый Багдадский вор, у нас есть на тебя виды...

— Нет,— подумав, соврал Лев.— Я случайный прохожий, здесь проездом, готов извиниться перед вашими фараонами, но так как сам ничего противоправного не делал, то...

— Он сказал «нет»... — скучно покачал головой султан.— Что ж, тогда нам надлежит просто отрубить ему голову за бунт, непочтение и нанесение побоев нашей возлюбленной страже!..

У Оболенского подкосились колени. Злобное лицо Аслан-бея, тайком выжимающего чалму, озарилось счастливой улыбкой. Муслим аль-Люли бодро развернулся, считая вопрос решённым, но Хасан аль-Хабиб ибн Бибип не вовремя подал голос:

— О светлейший среди светил, о светоч мудрости среди наимудрейших, если ты позволишь мне, своему ничтожному рабу, сказать слово, я докажу, что именно этот человек и есть Багдадский вор!

ГЛАВА 3

Ваших друзей да в наш бы музей...

Реклама Кунсткамеры

Главный визирь поправил завитую бороду, ещё раз поклонился, дождавшись милостивейшего кивка кокандского султана, и, подтянув необъятное брюхо, бодро взялся за дело. Он пристально осмотрел нашего героя, дважды или трижды обошёл его по кругу и вдруг резким уверенным движением запустил руку Льву в карман длинных летних шорт — на свет божий явились два кошелька, кусочек недоеденного чурека, потёртые игральные кости, три китайские монетки с дырками посередине, один шёлковый платочек с буквами «О+Д» арабской вязью, золотая цепочка с полумесяцем и амулет в виде сухой кроличьей лапки...

— О шайтан, это же наше! — в голос возопили честные стражники, узнав собственное имущество.

Толстяк победно воздел указательный палец вверх:

— Проницательный взор нашего сиятельного султана легко и сразу опознал этого бесчестного наглеца, ибо никому не дано бросить даже тень обмана на солнцеподобное чело блистающего разумом нашего повелителя! Вот медноголовый Аслан-бей, например, ни о чём не догадался...

— Что?! Да я первый его поймал! Я сразу узнал, что он и есть тот самый вор! Я первый...

— Вай мэ,— укоризненно поцокал языком визирь.— Кто это смеет в присутствии самого султана верблюдоподобно кричать: «Я — первый...»?!

Глава стражи успешно прикусил язык. Муслим аль-Люли Сулейман ибн Доде нахмурил бровки, похоже, он действительно не любил делиться пальмой первенства.

Султан сурово поманил пальчиком Льва:

— Мы узнали тебя! Легенды о неуловимом Багдадском воре, голубоглазом, высоком и светлокудром, ограбившем дворец Селима ибн Гаруна аль-Рашида и опозорившем многих достойных жителей, достигли нашего слуха. Признаёшь ли ты эти ужасные преступления?

— Бред какой-то... — Оболенский старательно постучал себе кулаком по лбу, словно надеясь, что всё происходящее окажется горячечным сном и развеется на рассвете.— Отвали, пингвин в будёновке, ничего такого я не делал...

— Как он нас назвал?

— О кладезь мудрости,— тут же подкатился едва не поперхнувшийся Хасан аль-Хабиб ибн Бибиб.— Пингвин — это чудесная птица дальнего Севера, отличающаяся редким умом, неизбывной красотой и божественным голосом. А будёновка... это... это...

— Очень симпатичная революционная тубетейка красноармейских джигитов, с ушками и звездой,— уже срываясь, добил наш герой.— Нет, ну серьёзно, что вам всем от меня надо?!

— Мы желаем, чтобы ты крал для нас! — топнув ножкой, взвыл султан.

На мгновение повисла нехорошая тишина (присели все!) — на изысканно утончённом Востоке подобные заявления открыто не делаются. Стражники распахнули рты, визирь начал что-то насвистывать, а Оболенский со скрипом прочистил указательным пальцем ухо. Видимо, и сам властитель понял, что сболтнул лишнее...

— Мы утомились пустыми разговорами и изволим вкусить сон в нашей опочивальне. Пусть этому недостойному глупцу объяснят, в чём его истинный долг как правоверного мусульманина и верного подданного... — Муслим аль-Люли строго зыркнул на каждого участника, зачем-то похлопал кулаком по брюху главного визиря и поманил за собой Аслан-бея.— Ты пойдёшь с нами, нам угодно кое-что сказать тебе наедине...

Все, за исключением Льва, склонились в почтительном поклоне. Дождавшись, пока султан и глава стражи уйдут, визирь поманил лучников и самолично отконвоировал задержанного в какое-то подвальное помещение. Причём, что удивительно, не в тюрьму! Этакая уютненькая комнатка, вся в коврах, с широкой кроватью, заваленной шёлковыми подушками, медным тазом, кумганом с водой и выдержками из Корана на стенах.. Окон, впрочем, не было, то есть благоустроенная, но камера... Запустив пленника внутрь, толстый визирь самолично припёр спиной дверь, снял надоевшую бороду и тихо произнёс:

— Ну, здравствуй, Лёва-джан...

Вместо ответа Оболенский от души дал Насреддину по морде!

...Вот здесь я впервые и задал, как мне казалось, вполне логичный вопрос, полный нескрываемой укоризны:

— С чего это тебе взбрело в голову заняться рукоприкладством?! Ведь Ходжа — твой друг и он...

— Именно! Именно потому, что он — мой друг, он и способствовал тому, что меня вновь загнали на этот грязный, вонючий, тёмный, страшный, нецивилизованный Восток! По морде я ему дал... заслуженно! Должен же я был хоть кому-нибудь дать в табло от полноты чувств?! Меня второй раз туда отправляют, даже не спросив, вежливости ради!

— Лев, не ори...

— Буду орать! В первый раз ладно... прощаю... Был не в себе, башкой об асфальт стукнутый, уши в лапше, весь из себя сплошной мусульманин (прости, Господи Иисусе Христе, мя грешнаго!), ворую направо-налево, по гаремам культурно отмечаюсь, но ведь не от дурного воспитания, тут я чист, аки дитя неразумное! А во второй раз что?.. Я, между прочим, уже всё-всё понимал! Как последний идиот — в джинсовых шортах, новых сабо, футболочка фирменная, мобильник, часы приличные... были. И вот со всем этим — нате вам, Багдадский вор вернулся! А Ходжа знал, не мог не знать, уж он-то всегда всё знает! Фольклорный персонаж, блин, герой легенд и анекдотов... И что, ты думаешь, он после всего этого сделал?!

— Что? — осторожно уточнил я.

— Дал мне сдачи!!!

...Самое смешное, что обалдевший Лев воспринял это, в общем-то, абсолютно адекватное действие как акт самой чёрной неблагодарности. А посему добавил домулло ещё и по уху слева, чисто в воспитательных целях. В ответ получил незамедлительный пинок под коленку и рассердился уже всерьёз...

Добрых десять минут заклятые друзья тузили друг друга самым недружественным образом! Оболенский был выше и сильнее, но Ходжа оказался более шустрым, к тому же подушка на животе успешно гасила ряд прямых ударов, не позволяя провести достойный апперкот. Кстати же, сам Лев первым и прекратил бессмысленную потасовку, выбросив флаг перемирия...

— Всё, брэк! Один-один, а дерёшься ты всё равно по-девчачьи...

— В уличной драке главное — результат,— отдышавшись, просветил Насреддин.— Аллах дозволяет причинить обидчику равноценное зло.

— Вот так и дал бы мне в зубы, а то лягаешься, как мой Рабинович...

— Во-первых, он мой! Во-вторых, о невнимательный в познании мудрости, «равноценное зло» вовсе не значит «то же самое». Если какая-то собака укусит тебя за ногу, не будешь же ты ловить её с целью укусить туда же?! Хотя, клянусь святым Хызром, с тебя станется...

Они покосились друг на друга, потом улыбнулись и крепко обнялись.

— Ну, наконец-то, Ходжуля...

— Я скучал, Лёва-джан...

— Я тоже, и к вопросу о скуке... Это не ты надоумил одного нашего знакомого джинна?

ГЛАВА 4

«Энергетическая клизма»? Засуньте её себе знаете куда...

Академик Норбеков

В общем, им не дали особенно наболтаться по душам. Вышколенные восточные стражники, даже слыша явно подозрительный шум, не дерзнули бы войти внутрь без прямого приказа визиря. Однако, когда всё стихло, им взбрело в голову поинтересоваться: кто же всё-таки победил? То есть нет ни малейших сомнений, что болели они за своего, но пронизательный взгляд высунувшегося Ходжи мгновенно определил, кто, сколько и на кого поставил и почему выиграл...

— Охраняйте этого человека как зеницу ока! — строго, но чуть гнусава, наказал он, прижимая к разбитому носу парчовый рукав. — Ибо султан наш, да сохранит Аллах его незыблемый ум в том же непоколебимом состоянии, как и было ранее от младых ногтей, имеет большие планы на этого грешника, при одном имени которого даже сам шайтан стыдливо прячет лицо своё между колен своих...

— Вай дод, как ему, наверное, неудобно,— сочувственно покивали представители кокандского спецназа, задвигая засов на дверях. А Лев Оболенский, плюхнувшись задом на мягкие подушки, погрузился в светлые воспоминания о славном Востоке! И ведь ему было что вспомнить, согласитесь, а?!

О бездонное небо Багдада, высокое и глубокое, словно взгляд голубых глаз Аллаха... О хрустальный смех смуглолицей Джамили, подобный звону весенней капли, перемешанному с шёпотом горного ручья, столь же чистым, сколь и мелодичным... О стихи старого Хайяма, его узловатые руки, пахнущие пылью пустыни и едва уловимым ароматом страниц зачитанного Корана...

— Блин горелый, что ж я о дедушке-то ничего не спросил?! Он ведь вроде не кисло там устроился, при дворе Гаруна аль-Рашида, премьером или советником по вопросам философического стихосложения после литра подшофе...

Пить Аллах не велит не умеющим пить,
С кем попало, без памяти смеющим пить,
Но не мудрым мужьям, соблюдающим меру,
Безусловное право имеющим пить!

В этом весь дед — ни дня без рюмки, а по молодости ещё и ни одной чадры мимо не пропускал... Вот у кого надо учиться умению ставить главные приоритеты в жизни!

За дверью раздался сдержанный гул, лязгнул отодвигаемый засов, и в подземелье к нашему герою

торжественно шагнул глава городской стражи Коканда. Он искренне старался выглядеть как можно более величественно и грозно, что было трудно. Ибо далеко не каждый восточный мужчина, десять минут назад мокнувший в фонтане, способен производить устрашающее впечатление...

— Слушай, ты... шайтан неверный!

— Не-а, я верный шайтан,— вальяжно растянувшись на невысокой кровати, мурлыкнул Лев.— Чем обязан, достопочтенный сэръ?

— Как ты смеешь, презренный шакал?! — взвился было отважный Аслан-бей, хватаясь за парадный ятаган, но огромным усилием воли совладал с собой.— Великий султан, да благословит его Аллах долгими годами и бесчисленным потомством, вознамерился поручить тебе одно шепетильное дело... Он верит, будто бы бесчестный Багдадский вор способен доставить к его стопам то, чего не смогла его же преданная стража?! Да я клянусь бородой пророка, что если ты только посмеешь...

За дверью раздался явственный стук каблучков. Начальник стражи тихо ойкнул и без предупреждения ужом ввинтился под кровать пленника. Невозмутимый Лев отреагировал на этот вопиющий поступок чуть удивлённым изгибом левой брови, не более...

В его благоустроенную камеру вошла очень толстая женщина в богатейшей струящейся парче, с плотно укутанным вуалью лицом. Опытным глазом «экспроприатора» Оболенский заметил, что украшений на ней вполне хватило бы на открытие собственного ювелирного бутика...

— Ты ли тот человек, которого называют Багдадским вором, о бесстыжий червь, смеющийся возлежать перед самой главной женой нашего всеильного султана?!

— Не-а, по сути, я очень стыдлив, и если вам неудобно разговаривать со мной стоя — ложитесь, я охотно подвинусь...

Женщина, словно выплывшая Муму, начала лихорадочно хватать ртом воздух и даже, кажется, заметно увеличилась в размерах...

— Как ты... смеешь так... да я... одного моего... тебя тут же...

— Да, вот такой уж я несносный хам, что смею, то и жму, но большинству девушек это нравится, — пунктуально отвечая на все недовысказанные вопросы, продолжал наш герой. — Однако, пока вы, как самая весомая жена вашего султана, не повелили мужу сотворить со мной нечто противоестественное, может, скажете уже, зачем пришли, а?

— Затем, чтобы сказать тебе, что если только ты исполнишь повеление моего горячо любимого (да сохранит его Аллах и помилует!) мужа, то твоя смерть будет самой долгой, самой ужасной, самой мучительной и...

— И так далее, в соответствии с вашим кротким нравом и бесконечной добротой?

— О исчадие гиены и скорпиона, чтоб шайтан этой же ночью обгрыз тебе все ногти... — злобно зашипела женщина, но в этот момент знакомый фальцет самого Муслима аль-Люли Сулеймана ибн Доде раздался за гостеприимными дверями. Лев величаво указал даме пальчиком на «под кровать!»,

и главная жена султана, разом сдувшись, умудрилась-таки туда влезть. Невнятный всхлип, короткая потасовка, облачко пыли, вылетевшее снизу, кровать пару раз дёрнулась и тактично замерла...

В двери вошло главное действующее лицо правительства славного Коканда. Султан огляделся, закрыл за собой дверь и уже открыл было рот, как догадливый Оболенский предупреждающе вскинул руку:

— Ша! Хватит, наслушался! Всё, что вы тут намерены сообщить мне о моей гнилой сущности, я уже знаю, запомнил, осознал, выписал золотой арабской вязью на чёрных скрижалях беспросветного мрака моей преступной души, так?! Теперь, ради бороды святого Хызра с колесницей, чётко и целенаправленно — ЧЕГО НАДО?

Добрых пять минут с очень длинным хвостиком султан молчал, пыжась от сомнений. Его буквально на глазах раздирали два безумных противоречия — с одной стороны, жгучее желание немедленно казнить наглеца в соответствии со всеми наворотами шариата, а с другой, этот несносный злодей был ему для чего-то очень-очень нужен! Лев намеренно сделал предельно скучное лицо и даже зевнул, хотя вставать и не собирался...

— Ты должен украсть для меня самую достойнейшую из жён, прекрасную пери Востока, красотой превосходящую всех райских гурий, с телом совершенным, словно её лепили руки Аллаха, и душой чистой, как слеза пророка! Понял ли ты, несчастный?!